

Румянцева Лена Иннокентьевна

К ПРОБЛЕМЕ МАТЕРИНСКОГО АРХЕТИПА В НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И. Э. БАБЕЛЯ "КОНАРМИЯ"

В статье на материале новеллистического цикла И. Э. Бабеля "Конармия" рассмотрены особенности функционирования материнского архетипа. Установлено, что в формировании инвариантного мотива Богородицы значимым является символистский контекст и связанный с ним мотив поругания Богородицы, при этом актуализируются наиболее архаичные мифологические аспекты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 166-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-32

Филологические науки

В статье на материале новеллистического цикла И. Э. Бабеля «Конармия» рассмотрены особенности функционирования материнского архетипа. Установлено, что в формировании инвариантного мотива Богородицы значимым является символистский контекст и связанный с ним мотив поругания Богородицы, при этом актуализируются наиболее архаичные мифологические аспекты.

Ключевые слова и фразы: мифологизация; архетип; постсимволизм; анти-поведение; анти-язык.

Румянцева Лена Иннокентьевна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

rutlena162@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ МАТЕРИНСКОГО АРХЕТИПА
В НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И. Э. БАБЕЛЯ «КОНАРМИЯ»[©]**

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ
в рамках проекта № 12-04-00122 на проведение научных исследований.*

Постановка вопроса об особенностях мифологизма прозы 1920-1930-х годов мотивируется необходимостью осмыслить феномен художественной мифологизации в литературе первой трети XX века в свете новейших культурологических и историко-литературных изысканий, поскольку смыслопорождающий потенциал мифологизма позволяет скорректировать сложившиеся стереотипы и трактовки. Процесс ремифологизации, характеризующий культуру первой трети XX века, по признанию исследователей, явился глобальной реакцией на кризис рубежа веков. Возврат к неразложимым элементам бытия позволил обрести этическую и эстетическую устойчивость и с этих позиций разглядеть современность.

Одним из основных в советской мифологии является материнский архетип, многократно воспроизведенный в прессе, кино, массовой песне, литературе, в изобразительных искусствах, в архитектуре и т.д. Согласно систематике архетипа, предпринятой К. Юнгом, истолкование мифологемы матери в ее различных вариантах (богиня и ведьма, норны и мойры, Деметра, Кибела, богородица и т.п.) ведет к выявлению архетипа высшего женского существа, воплощающего психологическое ощущение смены поколений, преодоление власти времени, бессмертия [1]. Характерной чертой официального материнского архетипа, сформировавшегося к середине 1930-х годов, является, по наблюдению Х. Гюнтера, «эмоциональная и вегетативная основа жизни», проявляющаяся в значениях радости, счастья, красоты, плодovitости [4]. Восходящая к фольклору аллегорическая идентификация женщины-матери и земли, Родины оформилась в рамках советской мифологии в культ Матери-Москвы, означающий единство женского начала и плодородной Родины, акцентируя тем самым вечность, незыблемость нового мира. Вместе с тем в ранней советской литературе оказалась востребованной несколько иная трактовка вечного женского, материнского начала, с наибольшей полнотой и выразительностью представленная в прозе И. Э. Бабеля, А. Платонова, И. И. Катаева и др.

В литературе 1920-х годов концептуальным является инвариантный мотив Богоматери, наследующий романтическую и символистскую концепцию материнского архетипа, отсылающего в свою очередь к мифологеме андрогина Платона. Эта тема трактует отношения полов в мистическом аспекте единой плоти, единого тела божественного первоначала, Первочеловека. Поэтому мистический культ андрогина, божественного Единого противопоставлен дроблению и хаотическому смешению, идее раздельного существования мужского и женского. Типичное для романтической традиции стремление к слиянию, синтезу в определенном смысле обусловлено этой задачей преодоления половой раздвоенности и обретения первоначальной целостности. В частности, С. А. Гончаров установил, что интерпретация Великой Матери/Богоматери как «Отца-Матери» лежит в основе сакрализованной инцестуальности Гоголя. В связи с этим особую значимость приобретает мотив разлуки и встречи с матерью, поскольку, по справедливому утверждению С. А. Гончарова, «речь идет о возвращении/встрече в метафизической первосубстанции, объединяющей женское/Невесту/Мать и мужское/Жениха/Отца в единстве порождающего “лона”», так как «возвратиться в естество своей матери... означает спасение» [3, с. 49]. Метафизический сакральный контекст Богородицы, увязывающий в единый комплекс всю мотивику родительства, брака, муже-женского первоначала, сиротства и возвращения/слияния, может быть выявлен и в пространстве русской прозы 1920-х годов. Однако он представлен главным образом как трансформации/искажения, разрушающие идею Великой Матери/Богоматери, реализованные в мотивах отсутствия в мире материнского начала, как подавление духовной сакральности матери хтоническим «отцом», «ложная» мать и др. Мотивы сиротства, неприютности, одиночества, разрушения родственных связей, утраты отчего дома, прощания с родиной заметно выделяются в произведениях той поры.

Новеллистический цикл И. Э. Бабеля «Конармия» с большой отчетливостью предьявляет материал, в котором оппозиция мужского и женского, представленная в трагических коллизиях Гражданской войны, становится

важнейшим мифологизирующим аспектом всего повествования. В новелле «Переход через Збруч» акцентирован основной пучок мотивов, имеющих характер сквозных для всего новеллистического цикла. Мифоритуальный комплекс представлен мотивами «переправы» – границы между гармоническим и хаотическим мирами, мотивом посвятельной жертвы, возмездия и др. Концептуальный для всего текста мотив Богородицы предстает в контексте поругания Богородицы. Данный мотив укладывается в рамки заданной А. Блоком характерной приметы наступившей эпохи как времени «крушения гуманизма». Вместе с тем, по наблюдению П. Флоренского, хула на Богоматерь является существенным признаком блоковского демонизма, воспроизводящего, в свою очередь, духовный опыт В. Соловьева, свидетельствующий об утончении грани между Божеством, ведущим к избавлению от страданий и смерти, и «обманчивой и бессильной красотой, которая увековечивает царство страданий и смерти» [4, с. 219]. Постсимволистская эстетика Бабеля, предполагающая концептуальное смешение высокого и низкого, сакрального и кощунственного, своеобразно усваивает символистский круг идей, тем более что для Блока они поляризуют отношения народ – интеллигенция и, в более широком плане, Восток – Запад, актуальные в связи с темой польского похода Конармии. Однако вместе с тем есть основания предполагать наличие более архаичных мифологических аспектов мотива Богородицы в тексте «Конармии».

Б. А. Успенский, исследуя мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии, указывает на факт активного использования матерщины в рамках анти-поведения, обуславливающего нарушение культурных запретов [5, с. 53]. Матерщина воспринимается по преимуществу как черта мужского поведения, причем иногда – но отнюдь не повсеместно – она считается возможной только в мужском обществе. Запреты на матерную брань распространяются исключительно на женщин, так как матерщина в устах у женщин воспринимается как грех, от которого страдает земля [Там же, с. 56]. Запреты на соответствующие выражения имеют абсолютный характер, эти слова не могут быть произнесены всуе, шуточное, игровое употребление не снимает с говорящего ответственности за слова такого рода, их нельзя повторить или употребить отстраненно. Подобное отношение к языковому знаку присуще, прежде всего, для сакральной лексики, «тем самым, обценная лексика парадоксальным образом смыкается с лексикой сакральной» [Там же, с. 57]. Отчетливо выраженная культурная функция матерной брани подтверждается также тем, что она была широко представлена в свадебных и сельскохозяйственных обрядах, то есть связанных с культом земли и плодородия. Одновременно матерная ругань имеет отчетливый антихристианский характер. Это согласуется с предположением о значимости для постсимволизма идущей от Блока и Клюева традиции противопоставления официальной (христианской) веры и подлинной народной веры в «полевого Христа».

От новеллы к новелле мотивный комплекс Богоматери усиливается значимым противопоставлением отцовской (хтонической) и материнской (гуманистической) сфер. В новелле «Переход через Збруч» мотив утраты отца и финальная фраза беременной его дочери трактуется неоднозначно. «Пане, – говорит еврейка и встряхивает перину, – поляки резали его, и он молился им: убейте меня на черном дворе, чтобы моя дочь не видела, как я умру. Но они сделали так, как им было нужно, – он кончался в этой комнате и думал обо мне... И теперь я хочу знать, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...» [2, с. 45]. В. Шмид не дает однозначного ответа о том, что таит в себе округлившийся живот женщины – «носителя новой надежды» или является иллюстрацией «негативной земной реальности», лишенной отцовского начала [7].

В новелле «Письмо» противопоставленность отцовского и материнского начал прочитывается с достаточной определенностью. Здесь реализуется мотив сурового отца, причем присутствуют указанные ранее мотивы хулы на Богородицу и матерной брани: «...отец резал брата Федю, пока брат Федор Тимофеевич не кончился», «...папаша пымали меня с письмом, и говорили: вы материны дети, вы – ейный корень, потаскухин, я вашу мамку брюхатил и буду брюхатить, моя жизнь погибшая, изведу я за правду свое семя, и еще разное. Я принимал от них страдания, как Спаситель Иисус Христос» [2, с. 50]. «И Тимофей Родионыч (отец – Л. Р.) зачал нахально ругать Сеньку по матушке и в Богородицу и бить Сеньку по морде» [Там же, с. 52]. Фотография семейства в финале рассказа высвечивает авторскую позицию, придает ей характер объективной беспристрастности, уравнивая отца и старших сыновей, представляющих выраженное мужское (отцовское) начало, и определяя его как «бессмысленную», «тупую» силу: «Отец... недвижимый, скуластый, со сверкающим взглядом бесцветных и бессмысленных глаз» [Там же, с. 53]. При этом обращает на себя внимание аллюзия на «бессмысленный и беспощадный» русский бунт, активными участниками которого являются и отец, и сыновья. Материнское неявно увязывается с Богородицей. На фотографии мать – «крохотная крестьянка в выпущенной кофте, с чахлыми, светлыми и застенчивыми чертами лица» [Там же]. Провинциальный фотографический фон, украшенный цветами и голубями – не только реалистическая подробность, он воспроизводит детали иконографического изображения Богородицы, неизменными атрибутами иконы Благовещенья пресвятой Богородицы являются лилии и голубь, символизирующие чистоту, святость Богоматери.

Тему кощунства и поругания материнского начала продолжает новелла «Пан Аполек», варьируя и доводя до абсурда блоковскую тему изменчивости/искажения облика высшего женского и божественного начала. Беспечный «богомаз» Аполек и его смехотворная война против «могущественного тела католической церкви» [Там же, с. 61], результатом которой явились изображения Марии, святого семейства, Иоанна Крестителя с узнаваемыми чертами клиентов художника, переводят философско-нравственный план рассказов в чисто эстетический аспект взаимодействия действительности и искусства: «краснощечная Богоматерь, висевшая над супружеской кроватью пани Элизы, экономки старого ксендза... мясистое лицо Богоматери – это был портрет пани Элизы» [Там же, с. 58]. Картины Аполека, по признанию повествователя, «чудовищные, святотатственные, наивные и живописные» [Там же, с. 62], характеризуют художественную манеру самого Бабеля.

Таким образом, русская проза 1920-х годов представляет материал, свидетельствующий о сложности и неоднозначности путей взаимодействия новой литературы и предшествующей традиции. Скрытое, «латентное» влияние символизма на творчество писателей и тенденция к «преодолению» ими символистского мироощущения порождают механизмы ремифологизации/демифологизации, одним из проявлений которых являются актуализация оппозиции «женское»/«мужское», «материнское»/«отцовское» и дальнейшие ее трансформации в аспектах символизации категорий «свой»/«чужой», «дом»/«антидом» и др. При этом «чужой» мир маркируется с помощью анти-поведения и анти-языка.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Архетипы // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 1. А-К. 672 с. С. 110-111.
2. **Бабель И. Э.** Собрание сочинений: в четырех томах. М.: Время, 2005. Т. 2. 410 с.
3. **Гончаров С. А.** Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 1997. 340 с.
4. **Гюнтер Х.** «Счастливая Москва» и архетип матери в советской культуре 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ; Наследие, 1999. Вып. 3. С. 170-175.
5. **Топоров В. Н.** О блоковском слое в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // Москва и «Москва» Андрея Белого: сб. статей / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. С. 212-316.
6. **Успенский Б. А.** Избранные труды. М.: Издательство «Гнозис», 1994. Т. 2. Язык и культура. 688 с.
7. **Шмид В.** Орнаментальность и событийность в рассказе И. Э. Бабеля «Переход через Збруч» // Концепция и смысл: сб. статей в честь 60-летия проф. В. М. Марковича / СПб. гос. ун-т; под ред. А. Б. Муратова, П. Е. Бухаркина. СПб.: СПбГУ, 1996. 380 с.

**TO PROBLEM OF MATERNAL ARCHETYPE
IN NOVELISTIC CYCLE “RED CAVALRY” BY I. E. BABEL**

Rumyantseva Lena Innokent'evna, Ph. D. in Philology
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
rumlena162@mail.ru

The author considers the features of maternal archetype functioning by the material of novelistic cycle “Red Cavalry” by I. E. Babel, and ascertains that the symbolist context and the associated with it the motive of God’s Mother desecration are important in the formation of God’s Mother invariant motive, and though the most archaic mythological aspects are actualized.

Key words and phrases: mythologization; archetype; post-symbolism; anti-behaviour; anti-language.

УДК 82.091 : 821.161.2 + 821.133.1

Филологические науки

В статье рассматривается антропоцентризм как ключевая черта романа-проекции – жанровой модификации исторического романа в украинской и французской литературе XX века. Основное содержание исследования составляет компаративный анализ произведений Н. Королевой «1313» и М. Юрсенар «Философский камень», раскрывающий подход писательниц к изображению прошлого с позиций настоящего в проекции на будущее.

Ключевые слова и фразы: исторический роман; роман-проекция; моделирование действительности; принцип зеркала; прошлое; настоящее; будущее; антропоцентризм.

Рушак Ольга Романовна

Прикарпатский национальный университет имени В. Стефаника, Украина
olga-ruschak@ukr.net

**АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА-ПРОЕКЦИИ
«1313» Н. КОРОЛЕВОЙ, «ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ» М. ЮРСЕНАР[©]**

Роман-проекция – модификация исторического романа, которая на материале прошлого поднимает универсальные проблемы сегодняшнего и будущего большинства наций. Связь времен осуществляется через зеркальное моделирование, которое способствует возможности одновременно увидеть прошлое, сегодняшнее и будущее. Взаимосвязь временных периодов характеризуется Б. Успенским, который утверждает, что «исторический опыт – то или иное осмысление прошлого – естественным образом оказывает влияние на будущий ход истории: в самом деле, исходя именно из подобных представлений, из подобного опыта, социум